

отвечает ей стихотворением «Зинаида Гиппиус» (1918). Существовал даже некий круг, противопоставленный «внешним», как называет их З. Гиппиус. По отношению к А. Белому З. Гиппиус не применяет понятие такой дружбы, говоря о «потенциально-предательской» натуре Белого в противовес А. Блоку, который «остаётся неизменяемым» [2, с. 31].

Так, З. Гиппиус подходит к факту существования взаимообратимости двух текстов А. Блока — текста поэтического и текста жизненного. *«Между нами разговора об этом не было. Да и зачем? Были его стихи»*, — скажет поэтесса [2, с. 35].

Встречи с А. Блоком у З. Гиппиус напоминают мозаику, из которой читатель (не она) должен сложить целостный образ поэта. Она набрасывает *«легкие тени встреч с ним — и только»* [2, с. 11], создает пейзажный антураж их встреч (многие эпизоды содержат красочные колористические описания), выбирает организующим повествование стиль импрессионистов: впечатление и чувство «здесь и сейчас», ассоциативность композиции. Выбирая такую манеру повествования, З. Гиппиус презентует саму себя как символистскую художницу в широком понимании этого слова. Отсутствие хроникальной точности, метафорические сравнения, использование образов-символов поэтической системы символизма, выстраивание ассоциативных рядов позволяет нам сказать, что повествователь не отстраняет себя от описываемой им эпохи, а, наоборот, включает себя в ту же культурную традицию, к которой относит изображаемого им поэта. Их души являются отражением идеального мира прекрасного, под которым и старшие, и младшие символисты понимают поэзию.

Литература

1. Блок, А. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Блок. — Л.: Худож. лит., 1980. — Т. 2.
2. Гиппиус, З. Живые лица / З. Гиппиус. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 304 с.
3. Гиппиус, З. Н. Тихое пламя: Стихотворения 1889–1938; Из автобиографической прозы; Из дневников / З. Н. Гиппиус; под ред. И. А. Курамжина. — М.: Центр-100, 1996. — 288 с.

Любовь Глазман (Витебск)

СОЗИДАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ СЕБЯ И МИРА В РАССКАЗАХ Л. Н. АНДРЕЕВА

Традиционно Л. Н. Андреева принято называть «певцом ужасов, отчаяния и безумия» [1, с. 17]. Внимание исследователей в большей степени заостряется на произведениях, констатирующих нравственное падение персонажей, которое объясняется пессимистической позицией автора по поводу невозможности противостояния роковой силе обстоятельств. Поэтому нередко утверждается, что для писателя характерно «недоверие к силам человека и человечества, сознание невозможности влиять на свои поступки» [2, с. 74]. Однако для Андреева, остро ставившего вопрос становления личности, ее самоидентификации, не менее важным было обращение к созидательной личностной позиции, которая раскрывается писателем различных ракурсах. С необходимостью

выявления созидательной личностной позиции персонажей рассказов, в которых наиболее ярко прослеживается андреевское «стремление дать положительный ответ на “проклятые” вопросы» [3, с. 348], что способствует наиболее полному и глубокому раскрытию художественного мира «малой» прозы автора, и связана актуальность указанной темы.

Цель работы — проанализировать персонажи рассказов Л. Н. Андреева, отмеченных созидательной установкой, с позиции их самоидентификации.

Вопрос становления личности раскрывается писателем в различных ракурсах. Можно условно выделить несколько групп рассказов, в зависимости от условий и способа, с помощью которых личность приходит к осмысленному существованию:

1) святочные рассказы («Баргамот и Гараська», «Из жизни штабс-капитана Каблукова», «Что видела галка», «Ангелочек», «В Сабурове», «На реке», «Праздник», «Прекрасна жизнь для воскресших», «Весной», «Весенние обещания», «Гостинец», «Город», «Жили-были»);

2) рассказы, в которых главные герои — дети («Валя», «Цветок под ногою», «Молодежь»);

3) рассказы, отражающие стремление личности найти свое место в жизни («Иностранец», «Проклятие зверя», «Тьма»);

4) рассказы, заостряющие вопрос совести («Что видела галка», «Предстояла кража», «Ночной разговор»).

Рассказы первой группы, как правило, отражают становление героев под влиянием рождественского или пасхального чуда, которое у писателя связано преимущественно не с внешней действительностью, а с преобразованиями в душе героя. Причем для Л. Н. Андреева, достаточно далекого от религиозного отношения к праздникам Пасхи и Рождества, в значительной степени характерно гоголевское понимание этих дней для человека. По мнению писателя XIX века, назначение Пасхи в том, чтобы «сделалось вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу на Небе», чтобы «хотя бы один этот день вырвать из ряду других дней» [4, с. 487]. Получается, что первостепенной становится «очистительная» функция праздника.

В раннем и наиболее показательном рассказе писателя «Баргамот и Гараська» праздник помогает персонажам почувствовать свою близость к окружающим их людям. Если прежде у городского Баргамота «внешние впечатления... доходили до места назначения лишь в виде слабых отзвуков и отблесков» [5, с. 43], то его восприятие мира меняется после пасхальной встречи с хулиганом Гараськой. И, несмотря на то, что Л. Н. Андреев убрал из окончательного варианта рассказа финальную сцену с принятием Гараськи на службу, читателю уже заметен переворот в самоопределении персонажей, которые впервые почувствовали себя близкими и нужными друг другу, осознали важность искренних и непредвзятых взаимоотношений. Подобную эволюцию переживает и главный герой рассказа «Из жизни штабс-капитана Каблукова». Тяготившийся ощущением одиночества и внутренней пустоты, он вдруг понимает, что рядом есть близкий человек, много лет заботившийся о нем, которому он тоже нужен и которому может помочь. Писатель показывает,

что жизнь может измениться, и эти изменения обусловлены внутренними, душевными «превращениями».

Л. Н. Андреева беспокоила не только проблема прихода человека к неким жизненным основам, но и вопрос о его способности оставаться верным себе в сложных ситуациях, о том, что помогает ему в горе. В рассказе «В Сабурове» герой оказывается глубоко и несправедливо обижен людьми, для которых долгое время был опорой во всем. Но утешение для изуродованного волчанкой и страдающего от предательства близких Пармена находится. Благодаря искренней любви к нему девочки боль от несправедливости и обиды сменяется у Пармена глубокой, но не безысходной тоской, помогающей преодолеть горе.

Интересное разрешение находит писатель для конфликта «книжного», идеального видения мира и неустроенной, неутешительной для героя реальности в пасхальном рассказе «Праздник», пронизанном мотивом очищения. В формирующемся мировосприятии подростка Качерина наметился разлад, присущий персонажам многих рассказов Л. Н. Андреева. Таковы, например, рассказы «В тумане», «Бездна», «Весной»: нравственные представления героя расходятся с его реальным положением. Но в пасхальную ночь герой неожиданно для себя открывает мир чувств, не испытываемых прежде. Не веселье праздника, а «чистая печаль», желание приобщиться к простоте и искренности гимназистки, встреченной им в церкви, помогают Качерину почувствовать себя счастливым.

Особое место в творчестве писателя занимают персонажи-дети. Из рассказов «Валя» и «Цветок под ногою» видно, что Л. Н. Андреев иногда склоняется к мысли, что душа ребенка чище души зрелого человека. Сталкиваясь со своими первыми серьезными жизненными трудностями, Валя и Юра Пушкарев остро чувствуют ответственность за свое поведение. Они еще только подошли к тому возрасту, когда приходит понимание о несовпадении желаний с действительностью, когда только начинает нарушаться гармония внешнего мира. Тем не менее, герои оказываются способными понять и принять это. Однако автор в рассказах заостряет внимание на хрупкости чувств маленького человека, которые, как цветок, легко затоптать. Л. Н. Андреев как бы предостерегает окружающих персонажей о таком же исходе, как «конец» отчаявшегося Джона-проповедника (рассказ «Конец Джона-проповедника»).

Мужество проявляют и персонажи рассказов «Молодежь», «Иностранец». В них герой, изначально заблуждавшийся, приходит к противоположной позиции, раскрывая себя сознательным и преданным товарищем и гражданином. В первом рассказе гимназист Шарыгин, вначале поддавшийся политике доносительства, проводимой директором, называет ему подозреваемых в школьном хулиганстве. Гордый своим поступком, Шарыгин сталкивается с непониманием в коллективе. Постепенно в сознании персонажа наступает перелом. Он начинает осознавать, что поступил подло, предавая в лице отдельных одноклассников весь класс. Но герой в финале, сам повторивший чью-то анонимную шалость, не просто демонстрирует раскаяние. Он, добровольно признавшись в своем поступке директору, подает пример и не совсем порядочному хулигану, подставившему товарищей, не пожелав сознаться в

содеянном. Поэтому, вместе с решимостью признать неправоту и измениться, Шарыгин отстаивает собственную позицию, предполагающую готовность отвечать за свои действия даже под угрозой исключения, подавая тем самым пример классу.

В рассказе «Иностранец» писатель показывает, что невозможно найти свое место в мире, отрекаясь от родины. Студент Чистяков, страдая от неустроенности жизни, мечтает о переезде в благородную Германию, где собирается начать «настоящую, широкую и умную жизнь» [5, с. 313]. Россия в его представлении — это 64-й номер общежития, где собиралась покутить компания студентов. Чувствуя себя нездешним, Чистяков начинает и вести себя как чужой. Но осознав в конечном итоге ложность избранного пути, впустив в себя «тысячеголосую скорбь» своего народа, герой обретает место в родной стране. Писатель приводит к простой истине: глупо думать о том, что можно убежать от своих проблем в другое место. Еще сложнее построить что-то свое в чужом краю, чем на том месте, где ты родился.

Проблема обретения своего «я» поднимается и в рассказе «Проклятие зверя». Из данного произведения видно, что Л. Н. Андреева волновал вопрос обезличивания не только как результата обывательского отношения к жизни, но и как следствия слишком сильного углубления в «вечные», неразрешимые проблемы. Главный герой, от лица которого ведется повествование, разрывается между двумя крайностями: «вечность и тайна» — «шоколад и какао» [5, с. 18]. Рассказчик стремится сохранить свою уникальность вдали от обывательской толпы, но в безликости и безразличии одиночества теряется смысл этой уникальности. Л. Н. Андреев, таким образом, показывает, как личность, стремясь построить свою жизнь в слиянии с природой и убивая в себе его человеческую «природу», обезличивается, поскольку перестает идентифицировать себя с человеком как частичкой общества. Получается тот же эффект, что и в результате «растворения» в толпе: разрушение личности. Гневный, проклинаящий крик зверя запертого в клетке зверя, становится первым шагом к самоопределению героя, принявшего на свой счет груз ответственности и вины, отличающий его от беззаботности растворенных в толпе рабов и потребителей. В отношениях со своей спутницей он обретает побеждающую силу любви — еще одно свидетельство нравственного «роста» героя. В финале рассказа в герое происходит примирение двух начал. К нему приходит осознание, что человек, склонившийся под тяжестью жизни, жалок, но он велик в том, что, не смирившись со своим положением, продолжает бороться не только за выживание, но и за честную, достойную жизнь. Главный герой приходит к разгадке прежде непостижимой для него тайны жизни. Таким образом, писатель, занимая гуманистическую позицию, утверждает в рассказе и необходимость самоопределения сопричастной обществу личности, и благородство, величие человечества, находящегося в таком неоднозначном, далеком от идеала положении.

В рассказе «Тьма» писатель акцентирует внимание не только на степень осознанности личностью своих действий и готовность отвечать за них, но и на

верность себе в ситуациях, когда эти действия сталкиваются с непониманием окружающих.

К вопросу совести обращается Л. Н. Андреев и в рассказах «Что видела галка», «Ночной разговор». В рассказах звучит мотив суда высших сил. Отпускает разбойников священник из рассказа «Что видела галка». Осознавая их опасность для жизни людей, он, тем не менее, чувствует себя не вправе судить: «не людям дадут ответ, а Богу» [5, с. 81]. И то, что кровожадной галке не понравилось на этот раз общество людей, говорит о человеческой победе в эту рождественскую ночь.

Не использовавший возможность убить германского императора во время ночного разговора бельгийский волонтер, бывший русский революционер и доктор права, убежден в неизбежной победе честным путем. До конца осознавая свое место рядового солдата, он не поддается соблазну случая, понимая, что не имеет права нарушать естественный ход событий во избежание хаоса, даже если рядом гибнет его народ. Получается, что развитая, созидательно настроенная личность, по Л. Н. Андрееву, должна четко осмысливать, наряду с обязанностями, свои права и возможности. Она, кроме необходимости действовать, чувствует, и когда действие неуместно, когда все надо оставить на совести человека или на волю рока. И только тогда можно говорить о созидательном осмыслении действительности, о согласии личности со своей совестью. Писатель, несомненно, указывает и на сложность, неоднозначность личностного выбора, зачастую оставляя и за читателем право выбрать свою позицию.

Из анализа приведенных рассказов можно сделать вывод, что Л. Н. Андреев, демонстрируя читателю осознанную, созидательно настроенную личность, рассматривает различные способы ее существования, затрагивает разные ракурсы этого широкого проблемного поля. Чаще всего в рассказах присутствует момент душевного «перелома» личности, после которого она становится готовой к иному, более осмысленному восприятию действительности. Повлиять на мировосприятие может как личностный поиск, попытка найти смысложизненные ориентиры («Праздник», «Проклятие зверя»), так и «чудесное» стечение обстоятельств, пробуждающее желание духовного «очищения» («На реке», «Баргамот и Гараська»), жизненное потрясение («Весной»). Самые неожиданные ситуации порой заставляют личность полностью переосмыслить вой жизненный подход («Предстояла кража», «Тьма»). Одно ясно: для каждого конкретного человека нет общих законов и правил собственного развития, прихода к аутентичному существованию. Кроме этого, писатель показывает, что зачастую представления людей о долге, героизме бывают весьма относительны и заставляют усомниться в искренности намерений человека. Неспроста вокруг многих персонажей рассказов разворачивалась серьезная полемика, ведь нет единой однозначной схемы, по которой должен жить положительный персонаж. Но, возможно, личности, в некоторой степени, необходимо быть свободной в самом сокровенном от категоричного и часто упрощенного общественного мнения. Л. Н. Андреев также показывает, что личностная «полнота» не является избавлением от несчастий («В Сабурове») и

что не всегда поступки в соответствии с совестью приносят радость («Предстояла кража», «Что видела галка»). Однако чувство достоинства, нахождения на своем месте может по-настоящему испытывать личность, действующая в согласии с совестью, даже если ее поступки остаются непризнанными («Тьма»).

Персонажи упоминаемых рассказов Л. Н. Андреева избирают приемлемую для них модель поведения и жизненные ориентиры, в которых проявляется их стремление жить, считаясь и с интересами окружающих, и с собственной совестью. Прислушаться к ней и призывает нас писатель.

Литература

1. Киселева, А. Н. Художественные формы трагического сознания в прозе Леонида Андреева (1898–1907): проблемы становления и архетипического соответствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Н. Киселева; МГУ им. М. В. Ломоносова — М., 2004. — 22 с.
2. Коган, П. С. Очерки по истории новейшей литературы / П. С. Коган. — в 3 т. — Т. 3: Современники. — Вып. 2. — М.: Заря, 1910. — 162 с.
3. Колобаева, Л. А. Концепция личности в русской реалистической литературе рубежа XIX–XX веков / Л. А. Колобаева. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 174 с.
4. Корнеева, Е. Мотив Тьмы в художественной системе Леонида Андреева / Е. Корнеева // Литература. — 1998. — № 33. — С. 4.
5. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. Н. Андреев; редкол.: И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко — М.: Худож. лит., 1990.

Александр Горбачев (Минск)

КОНФЛИКТ В «МАЛЕНЬКОЙ ТРАГЕДИИ» А. С. ПУШКИНА «СКУПОЙ РЫЦАРЬ»

«Маленькие трагедии» А. С. Пушкина посвящены художественному исследованию самоценного бытия, представленного гедонистическим и аскетическим способами существования. Произведения, которые включены в этот цикл, фабульно различны, их персонажи не переходят из пьесы в пьесу. Единство «маленьких трагедий» возникает благодаря сквозному конфликту между гедонизмом и аскетизмом как типологическими формами самоценного бытия. В «маленьких трагедиях» гедонизм и аскетизм разнообразны и многослойны. А. С. Пушкин рассматривает эти формы применительно прежде всего к четырем видам отношений: отец — сын («Скупой рыцарь»), гений — завистник («Моцарт и Сальери»), мужчина — женщина («Каменный гость»), мирянин — священник («Пир во время чумы»).

Название первой пьесы цикла намекает на глубинное родство гедонизма и аскетизма, на то, что они — полюсы одного явления. К кому из персонажей обращено словосочетание «скупой рыцарь»? Сразу к обоим: к аскету-отцу, который не хочет делиться своими сокровищами, и к гедонисту-сыну, который вследствие душевной скудости сосредоточен на жажде денег, славы и развлечений. Каждый неизбежно пребывает в кругу своих иллюзий и тем самым блокирует возможность конструктивно построить отношения с родственником-антиподом. Кроме того, оба персонажа упрямы, что не удивительно: упрямство